

«Лот 47: Память камня»

@yy_Leonidov

Псевдоним @уу_Leonidov

«Лот 47: Память камня»

«Автор»

2026

@yy_Leonidov П.

«Лот 47: Память камня» / П. @yy_Leonidov — «Автор», 2026

Он продал её, чтобы купить дом у океана. Но забыл, что у памяти есть цена. Бывший легионер Микаэль Ларсен везёт в Лондон древнюю статуэтку из Ирана — его последний шанс на спокойную жизнь. Большой белый дом где-нибудь, где приятно жить — пляж, океан, тишина — всё это стоит миллионы. Аукционный дом готов заплатить. Но старый оценщик понимает: артефакт не должен существовать. А арт-детектив видит, что тень статуэтки движется сама по себе. Когда начнутся торги, Микаэль узнает, что камень — это сосуд памяти. И каждый, кто касается его, теряет что-то важное. Сначала — сны. Потом — лица близких. А в конце — самого себя. Лот 47 уходит с молотка. Но кто заплатит настоящую цену?

© @yy_Leonidov П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Прибытие (Порт Саутгемптон, ноябрь)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Псевдоним @yy_Leonidov

«Лот 47: Память камня»

Пролог: Прибытие (Порт Саутгемптон, ноябрь)

I

Порт Саутгемптона в три часа ночи пах солёной водой, ржавчиной и дизельным топливом. Грузовое судно «Нордланд» — ржавый контейнеровоз под панамским флагом — медленно разворачивался к причалу, скрипя металлом, как старик, поднимающийся с кровати.

Микаэль Ларсен стоял на верхней палубе, упираясь ладонями в холодный поручень. Ветер бил в лицо, забивался под воротник полевой куртки, но он не двигался. Он смотрел на огни порта — жёлтые, тусклые, дрожащие в тумане — и думал только об одном: ещё три недели до аукциона. Ещё три недели до денег. Ещё три недели до дома.

До большого белого дома где-нибудь, где хорошо. Где можно просыпаться без будильника. Он уже представлял себе это: вилла с колоннами где-нибудь на средиземноморском побережье, с кипарисами и оливковыми рощами. Или бунгало на сваях в тёплом море — где-нибудь на Бали или в Таиланде, с пальмами и гамаком. Или дом из светлого камня в Новой Зеландии, с видом на зелёные холмы и океан. Или, может быть, что-то попроще — небольшой особняк на Карибах, с террасой, выходящей на пляж, и запахом соли по утрам.

Главное — чтобы было тихо. Чтобы за окнами не было ни взрывов, ни криков, ни запаха пороха. Только шум воды. Только небо. Только покой.

Если это вообще можно назвать домом.

Он не был в Англии двенадцать лет. Последний раз — когда легион перебрасывал их через Ливерпуль в Афганистан. Тогда он не вышел за пределы базы. Англия показалась ему слишком зелёной, слишком тихой. Слишком нормальной.

— Мистер Ларсен? — голос капитана раздался за спиной. Микаэль обернулся. Капитан Дюбуа — толстый марселец с вечным запахом табака и рома — стоял у люка, держа в руке манильскую папку. — Таможенники ждут. Говорят, у вас декларация на культурные ценности.

— Да.

— Они будут задавать вопросы.

— Пусть задают.

Дюбуа хмыкнул, протянул папку:

— Вы везёте что-то тяжёлое, господин Ларсен. Не только в рюкзаке.

Микаэль взял папку, не ответил. Капитан пожал плечами, развернулся, исчез в люке.

Тяжёлое. Микаэль посмотрел на свой рюкзак — старый, потёртый, с заплатками на лямках. Внутри, завернутая в полевую куртку, лежала статуэтка. Камень высотой в ладонь, грубо вырезанный, с лицом, которое казалось неправильным — слишком много глаз, слишком мало рта. Он нашёл её три месяца назад, в разграбленном музее под Тегераном, когда их ЧВК зачищала территорию после боёв. Он не знал, зачем взял её. Просто сунул в рюкзак, когда все отвернулись.

С тех пор она не давала ему спать.

II

Трап опустился с лязгом. Микаэль спустился первым — легионерская привычка: всегда выходить на берег последним, но сходить первым.

На причале его ждали двое: таможенник в синей форме и ночной охранник порта — высокий тощий мужчина с лицом, похожим на смятый бумажный пакет. Таможенник прове-

рил паспорт, заглянул в папку, пробормотал что-то про декларацию на культурные ценности и махнул рукой.

— Проходите.

Микаэль кивнул, шагнул на бетон. И в этот момент охранник, который до того лениво курил у будки, выпрямился. Он посмотрел на Микаэля — нет, сквозь него — и его глаза расширились.

— Стойте.

Микаэль остановился. Повернулся.

— Что?

Охранник не ответил сразу. Он смотрел на землю под ногами Микаэля. Потом поднял глаза, снова посмотрел на землю.

— У вас... — он запнулся, провёл ладонью по лицу. — У вас тень длиннее, чем должна быть.

Микаэль посмотрел вниз. Под ногами — бетон, жёлтый свет лампы, и его тень. Обычная тень. Такая, как у всех.

— Что вы имеете в виду?

Охранник моргнул. Встряхнул головой, как человек, который только что проснулся.

— Ничего. Простите. Я... не выспался. Проходите.

Микаэль смотрел на него ещё секунду. Потом развернулся, пошёл к выходу из порта. За спиной он слышал, как охранник снова закурил — руки дрожали, спичка чиркнула трижды, прежде чем загорелась.

Устал, подумал Микаэль. Просто устал.

III

Он шёл по набережной, и туман обволакивал его, как мокрая вата. Вдали гудели контейнеровозы, где-то плакала сирена, но звуки казались далёкими, приглушёнными, как будто он шёл не по Англии, а сквозь неё.

Нога ныла — старое ранение в Алеппо, осколок задел позвоночник, после операции остался шрам и лёгкое подхромывание. Он привык к боли, как привыкают к старой обуви. Но сегодня она казалась острее. Или это был не он — это что-то внутри рюкзака давило на него, как магнит.

Он остановился у фонаря, снял рюкзак, расстегнул молнию. Статуэтка лежала внутри, завернутая в куртку. Он развернул ткань.

Камень. Тёмный, почти чёрный, с матовой поверхностью. Лицо — если это можно назвать лицом: два углубления вместо глаз, вертикальная щель вместо рта, и что-то вроде короны из шипов наверху. Он не знал, что это за бог. Не знал, откуда он. Просто знал, что за неё дадут деньги.

Много денег. Хватит на тот самый дом. В любом месте планеты, где приятно жить и отдыхать. Где можно пить кофе на веранде, глядя на воду, и никуда не спешить.

Микаэль провёл пальцем по камню.

И отёрнул руку.

Камень был тёплым. Не комнатной температуры — а тёплым, как кожа. Как будто кто-то только что держал его в ладонях.

Микаэль смотрел на статуэтку. Туман кружился вокруг, фонарь гудел. Он снова коснулся камня — холодный. Как и должен быть камень, пролежавший в рюкзаке шесть недель.

Усталость, подумал он. Просто усталость.

Он завернул статуэтку обратно, застегнул рюкзак, надел его на плечо. Пошёл дальше.

IV

Вокзал Саутгемптон Центральный был почти пуст. Несколько бомжей у стен, пара таксистов у выхода, женщина в пальто, которая читала газету, сидя на скамейке, хотя поездов не было.

Микаэль купил билет до Лондона — поезд отправлялся через сорок минут. Он сел на скамейку у платформы, достал из кармана бутылку воды, отпил.

Женщина в пальто подняла голову. Посмотрела на него.

Не долго — просто секунду. Но Микаэль почувствовал, как по спине пробежал холод. Не от ветра — от неё.

Она была молода, лет тридцати, с тёмными волосами, собранными в пучок. Лицо — обычное, британское, ничем не примечательное. Но глаза — он не мог разглядеть их в полумраке вокзала. Они казались слишком глубокими.

Она смотрела на него, как смотрят на кого-то другого. Как будто она видела не его, а того, кем он был — или кем мог быть.

Потом она опустила глаза, вернулась к газете.

Микаэль отвернулся. Нервы, подумал он. Просто нервы.

Но он не мог избавиться от ощущения, что она знает. Знает, что у него в рюкзаке. Знает, что он везёт. Знает, зачем.

Поезд подошёл с шипением тормозов. Двери открылись. Микаэль встал, надел рюкзак, шагнул в вагон.

Когда поезд тронулся, он посмотрел в окно. Женщина в пальто всё ещё сидела на скамейке. Она не смотрела на поезд. Она смотрела ему в спину.

Или ему казалось.

V

Купе было пустым. Микаэль сел у окна, положил рюкзак на колени. Поезд набирал скорость, Лондон приближался — сначала огни пригородов, потом яркие пятна центра.

Он закрыл глаза.

И увидел её.

Женщину в чадре. Тёмные глаза, в которых плескалась тысячелетняя усталость. Она стояла на песке, вокруг — руины, колонны, разбитые статуи. Ветер нёс песок, забивался в рот, в глаза. Она смотрела на него и узнавала.

— Ты нашёл меня, — сказала она. Голос — как шелест песка, как звук разбивающейся глины. — Но ты не знаешь, что нашёл.

Микаэль открыл глаза.

Купе. Окно. Огни Лондона за стеклом. Рюкзак на коленях.

Он провёл ладонью по лицу. Рука была влажной — пот.

Это не реально, подумал он. Это не реально. Это просто усталость. Просто память. Просто...

Он посмотрел на рюкзак.

И впервые за шесть недель почувствовал страх.

Не за себя. За неё. За ту, что была внутри камня. За ту, что ждала.

Поезд мчался в Лондон. Аукцион был через три недели. Деньги — через три недели. Дом где-нибудь, где приятно жить — через три недели.

Но что-то подсказывало Микаэлю, что три недели — это слишком много.

И слишком мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.